

УДК 81'27
UDC 81'27

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
St.-Petersburg State Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

«ОН СЛИШКОМ СВЕТ, ЧТОБ НЕ ПОЙТИ ЗА ТЬМОЙ...»
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

«IT IS TOO MUCH OF LIGHT NOT TO FOLLOW THE DARKNESS ...»
POST-SOVIET SOCIOLINGUISTIC SITUATION

Аннотация

В статье рассматривается социолингвистическая ситуация в ряде стран, переживающих проблемы политической, этнической и языковой ревизии своего прошлого и настоящего. В России новации перестроечного периода были и остаются слишком радикальными, непоследовательными и необдуманно. С распадом СССР большинство стран постсоветского пространства попытались перейти от добровольно-вынужденного билингвизма к языковой гомогенности в максимально краткие сроки. Экономические проблемы Шотландии обусловили с одной стороны, снижение статуса родного языка, а с другой – подхлестнули желание нации к самоопределению. Вынужденное двуязычие в Индонезии в результате голландской колонизации привело к постепенному вытеснению основных языков Индонезии – малайского и яванского. Языковая политика Израиля по введению и распространению иврита как разговорного языка – пример наиболее действенных, исходящих сверху и поддерживающихся изнутри социума мер в отношении «здоровья» и благосостояния языка.

Если самодовление языковой системы подменяется давлением на языковое сознание извне, языковой коллектив внезапно осознаёт непреложную значимость родного языка. Неизбежным следствием непрофессионального контроля государством билингвальной ситуации в стране является перераспределение функций и статуса коммуникативных кодов, что обуславливает дестабилизацию отношений их носителей внутри этноса и в межэтническом взаимодействии. Непреложная составляющая регуляции отношений в триаде «государство – общество – язык» – это баланс реальной и кодифицированной норм национального языка. В статье делается вывод о том, что нерегулируемые языковой политикой новации приводят к денормализации языка, утрате им функционального многообразия и структурного богатства.

Abstract

The article views sociolinguistic situation in some countries undergoing revision of their political, ethnic and linguistic past and present. In Russia Perestroika period innovations were too radical,

inconsistent and thoughtless. With the fall of the USSR most post-soviet countries aimed at fast transition from voluntarily-forced bilingualism to monolingual community. In Scotland economic problems on the one hand determined native language status lowering, on the other – forced the nation's self-identification. Forced bilingualism in Indonesia as a result of its colonization by Holland lead to major native languages – Malayan and Javanese – gradual displacing. Israel's language policy of introducing and popularizing Hebrew was the most efficient supported from within measure providing language well-being, its «treatment and purification».

If language system pressure is substituted by the pressure on linguistic consciousness from outside, linguistic community suddenly realizes native language importance. Inevitable consequence of poor government control over bilingualism in the country is redistribution of functions and communicative codes that destabilizes relations inside ethnic groups and between them. An important factor regulating relations in the triad «state – society – language» is the balance between real and codified standard of the national language. If not regulated, innovations can denormalize the language that can lose functional and structural variety.

Ключевые слова: язык, социум, государство, норма, языковая политика, этнолингвистика, социоллингвистика.

Keywords: language, society, state, standard, language policy, ethnolinguistics, sociolinguistics.

1. Общая характеристика проблемы

Наиболее подходящим словом для завершения вынесенного в заголовки статьи предложения и положения дел в заявленной проблеме на сегодняшний день следует считать прилагательное «удручающая». Констатацией этого факта можно было бы и ограничиться, если считать создавшуюся ситуацию безысходной. Оптимизма немного, поскольку слишком радикальными, непоследовательными и необдуманными были и остаются новации перестроечного периода.

Глобальный передел материальных и духовных ценностей на территории нашей бывшей родины существенно изменил не только характер отношений некогда «братских» народов, но и способы их коммуникации. Великий и могучий русский язык постепенно переставал быть единым кодом межнационального общения, испытывая достаточно интенсивное давление: а) изнутри, со стороны национальных языков некогда единого государства; б) извне вследствие внезапно поднятого «занавеса», со стороны стран дальнего зарубежья, представлявших в основном англо-саксонскую лингвокультуру.

Известный социоллингвистический постулат о том, что при определённых условиях «языки в контакте становятся языками в конфликте», как нельзя лучше характеризует языковую ситуацию России последних десятилетий XX века.

Напомним читателю события тех лет, а также причины и условия, подготовившие идеологический, экономический и языковой распад СССР, казавшегося на протяжении почти 80 лет монолитным и незыблемым колоссом.

Советский Союз всегда был территорией добровольно-вынужденного билингвизма. Доминирование русского языка формировалось не столько его государственным статусом, хотя и это имело значение, сколько его коммуникативной мощью, накопленной за годы советской власти и коммунистической идеологии. С помощью русского языка государству было проще реализовать центростремительный характер отношений Москвы – столицы России и СССР – с союзными республиками. Представители титульных наций братских республик постепенно утрачивали связи с родными языками и переключались на единый языковой код, призванный обслуживать «новую историческую общность» – советский народ. Справедливости ради следует заметить, что после октябрьского переворота в течение 15 лет народы СССР имели возможность использовать национальный язык и развивать национальную культуру. Языковая картина нашей бывшей Родины кардинально изменилась после известного постановления Совнаркома СССР об обязательном изучении русского языка в национальных школах. С 1930 по 1980-е годы имеет место интенсивное поступательное развитие русско-национального субординативного двуязычия. Не все было гладко на этом пути, но так или иначе, СССР постепенно стал огромным по территории и коммуникативной мощи полигоном доминирования русского языка. Национальные языки в остаточном виде сохранились только в странах Балтии, азиатских и кавказских республиках.

Помимо взвешенной и целенаправленной позиции государства, для которого всегда была (есть и будет) оптимальной и удобной монолингвальной ситуацией, поскольку посредством одного языкового кода легче и дешевле управлять страной, немаловажным фактором превосходства русского языка в СССР, стала возможность регулируемой и поощряемой государством миграции русскоязычного населения в национальные республики и автономные территориальные образования. Представители русского этноса приносили лингвоментальные характеристики титульной нации, постепенно ассимилируя в себе явления национальной культуры. Хорошо это или плохо, но русский язык воспринимался всеми без исключения гражданами СССР как обязательный инструмент социальной адаптации индивида. С распадом Советского Союза языковые процессы начинают движение вспять. Ставшие независимыми и самостоятельными союзные республики пытаются восстановить *status quo* и в языковом строительстве. Большинство из стран постсоветского пространства поставило перед собой *a priori* неосуществимую задачу – обретение языковой гомогенности в максимально краткие сроки. Более всего в стремлении к реализации этой порочной в своём дилетантизме идеи удивляет: а) воинствующий дилетантизм государственных институтов, принимавших (и принимающих) такие решения; б) преступное бездействие лингвистической общественности тех стран, в которых пытались реализовать расхожую истину: «Если нельзя, но очень хочется, то можно...».

Языковая политика в СССР при всей её неизбежной и необходимой в условиях коммунистической идеологии жёсткости, привела к дисбалансу русского и других национальных языков. Очевидно, субординативный би-

лингвизм в полиэтническом государстве, предполагающий первенство одного из языков, имеет некую критическую отметку; за ней субординация в отношениях двух или более языков трансформируется в подавление коммуникативно более слабого языка. В СССР русский язык растворил в себе большинство национальных языков, обречённых на использование в качестве вспомогательного средства коммуникации со статусом социолекта. Могло ли быть иначе? Ответ очевиден: нет, не могло. Равно, как и не могли быть реализованы попытки нейтрализовать влияние русского языка после распада СССР.

Языковая ситуация на постсоветском пространстве еще очень долгое время будет иметь билингвистическое (бикомпонентное) содержание, потому, что русский язык очень долгое время являлся единым государственным языком для всех граждан СССР, вне зависимости от их национальности и территориальной принадлежности. Объективное коммуникативное превосходство русского языка и сейчас имеет подавляющий характер. Кроме того, русский язык в бывших национальных республиках обслуживал те сферы жизнедеятельности, в которых национальные языки не «работали» и не смогут ещё долгое время «работать» по причине внутрискруктурной несостоятельности. Таким образом, параллельное двуязычие постепенно трансформируется в доминантный билингвизм, когда «полифункциональный язык употребляется в большинстве социально значимых ситуаций, а язык с меньшим набором функций – в социально менее значимых ситуациях» [Крысин, 2000].

Основным фактором, регулирующим отношения двух языков, является языковая среда, которая обуславливает необходимость перехода с родного языка на второй в тех или иных ситуациях общения. Если же языковая среда позволяет обходиться одним (родным) языком, то переход на второй (не родной) язык осуществляется в крайне ограниченном наборе ситуаций, связанных, как правило, с реализацией различного рода официальных отношений с институтами государственной власти – носителями второго языка. Большое значение здесь имеет экономическая составляющая государства, регулирующая и управляющая процессом социальной адаптации граждан. Так, например, существенный спад экономики Шотландии за последние 20–25 лет привёл к утрате статуса диалекта шотландского языкового кода «scots» и его постепенной ассимиляции в более мощном британском английском. Большинство шотландцев было вынуждено искать работу на территории Англии, что обусловило перераспределение функций двух разновидностей языкового кода не в пользу родного. Ситуация вынужденного двуязычия, однако, не всегда приводит к полному забвению родного языка. Во-первых, потому, что экономический спад явление преходящее, приведённый пример с Шотландией весьма показателен, поскольку именно этот регион Великобритании сейчас близок к проведению референдума по самоопределению.

В этой связи уместно вспомнить слова Э. Бенвениста [Бенвенист, 1974, с. 35]: «Время не есть фактор эволюции языка, оно лишь рамки эволюции». Тем не менее, именно время и интенсивность контактов опреде-

ляет статус и функции взаимодействующих языков. Одним из наиболее показательных примеров в этом плане является языковая ситуация в Индонезии. Более чем 350-летняя колонизация этой страны, занимающей четвертое место в мире по численности населения, и размещающей на своей территории от 100 до 367 этносов (данные 1986 г.) привела к постепенному вытеснению основных языков Индонезии – малайского и яванского. Удивительно, но голландцы вплоть до середины XIX в. не пытались насаждать свой язык даже среди крупнейших этносов страны. И только в начале XX в. голландцы начали пропагандировать и внедрять изучение языка метрополии, назвав это «этическим курсом». Основная цель языковой политики заключалась в том, чтобы с помощью голландского языка «помочь индонезийцам построить будущее, а голландцам защитить прошлое» [Кондрашкина, 1986]. И, во-вторых, вынужденное двуязычие – это лишь «маска» или «униформа», которую билингв надевает на определенное время, а придя домой, снимает её и остаётся в привычном для себя обличье. В статье В.М. Алпатова [Алпатов, 2000, с. 196] приводится замечательный пример о двуязычной саамке, которая «свободно владела норвежским языком, но в состоянии депрессии ей мог помочь только саамский». С большой долей вероятности можно предположить, что довлеющий характер родного языка проявляется и в других состояниях человека, выходящих за пределы нейтрального уровня психики. Но совершенно другая реакция имеет место, когда самодовление языковой системы подменяется давлением на языковое сознание извне. Язык в этом случае становится не только осязаемой частью тела каждого индивидуума – носителя языка, но и нервом всего языкового коллектива, вдруг осознающим непреложную значимость родного языка.

2. Этнолингвистическая составляющая проблемы

В такой ситуации язык становится, пожалуй, единственным средством самопрезентации и ощущения своей этнической принадлежности. Стремление к языковой однородности в странах ближнего зарубежья можно понять, однако политически корректными и дальновидными такого рода усилия признать нельзя. В какие бы формы ни были облечены попытки вытеснить русский язык из постсоветского коммуникативного пространства, результат будет один – неуспех. Вполне возможны и более ощутимые деструктивные последствия, связанные с изменениями интеллектуального, социального и культурного баланса полиэтнического общества. Происходящие события на Украине – убедительное тому свидетельство. Наиболее уместными и корректными определениями, с помощью которых можно оценить действия правительств некоторых стран ближнего зарубежья, осуществляющих языковую политику, являются следующие: смешные, наивные и вредные. Лингвистическое невежество на постсоветском пространстве обусловлено, помимо прочего, полным безразличием государственных структур к науке о языке и людям, которые занимаются этой наукой. В словосочетании «языковая политика» определяющим является второй компо-

нент. Лингвисты в данном конкретном случае с Украиной обязаны были подготовить и предложить правительству и президенту квалифицированное решение проблемы, заключающееся в теоретической нецелесообразности и реальной опасности ввода одноязычия в стране. Возможно, так оно и было. Но следует иметь в виду, что последнее слово, а, значит, и вся ответственность за принятое решение всегда остаётся за политиками.

В действиях государства по отношению к языку логика, к сожалению, не всегда является обязательной составляющей, а в формуле государственной власти цель всегда оправдывает средства. Если цель состоит в том, чтобы дезавуировать функционал русского языка, не уступающего по этому показателю языку титульной нации, то государство реализует своё намерение посредством силовых методов, используя, прежде всего, законодательство, культурные и образовательные учреждения. Второй аспект проблемы обращает на себя внимание, когда мы имеем дело с региональными проявлениями языковой политики в полиэтническом государстве. Центростремительные тенденции в этих случаях крайне редко приводят к позитивным последствиям, тем более, когда государство стремится дезавуировать язык, обладающий равной с государственным языком коммуникативной силой или превосходящей его.

Неизбежным следствием непрофессионального контроля государством билингвальной ситуации в стране является перераспределение функций и статуса коммуникативных кодов, что, в свою очередь, обуславливает дестабилизацию отношений их носителей внутри этноса, а также в межэтническом взаимодействии. Украина в очередной раз продемонстрировала феноменальную некомпетентность государства в языковом строительстве. Формула безвластия здесь очевидна. Языковое сознание этноса не может быть трансформировано извне, волевыми усилиями кого бы то ни было. Об этом говорил В. Гумбольдт почти три столетия назад, но всё это время с периодичностью достойной лучшего применения, предпринимаются попытки «языкового строительства» в угоду политике, влекущие хаос и крайне деструктивные последствия. Функциональное целесообразие – единственный критерий, посредством которого возможно государственное регулирование отношений социума и языка, состоящее, прежде всего, в предупреждении и недопущении непродуманных и неоправданных акций государства в отношении языка. Функциональная целесообразность – категория, без которой языковая политика – произвол и дилетантизм государственного уровня.

3. Языковая норма – рычаг языковой политики

Есть ещё одна непреложная составляющая регуляции отношений в триаде «государство – общество – язык». Это баланс реальной и кодифицированной норм национального языка. Необходимо заметить, что он (баланс) а priori не может быть абсолютным, то есть реальная и кодифицированная нормы не могут быть зеркальным отражением друг друга. Идеальное состояние нормы, когда она соответствует системе (одна

возможность равна одной реализации) недостижимо, поскольку отношения системы и нормы определяются узусом. Узус всеяден. Он насыщает реальную норму такими вариантами, которые часто противоречат кодифицированным рекомендациям. Если такого рода «новации» реальной нормы частотны и успешно проходят вкусовую оценку, они закрепляются в языковом сознании большей части социума. Кодифицированная норма обязана рекомендовать такие реализации в качестве факультативных вариантов. Так аномальные единицы и явления речи трансформируются в языковые единицы и структуры, насыщающие систему языка новыми возможностями, далеко не всегда соответствующими прескриптивной норме. В первую очередь здесь имеется в виду лексика. Переход окказиональных единиц и их сочетаний в узуальные, обеспечивает лексической норме как наиболее проницаемой подсистеме языка состояние неустойчивого равновесия, которое, в свою очередь, стимулирует потенциал языковых изменений в целом. Предугадать направление такого рода изменений невозможно вследствие произвольной природы языкового знака. Другой рычаг, посредством которого осуществляется вброс в узус аномальных единиц, имеет социолингвистическую природу. Наивные носители языка, являющиеся а) авторами всех языковых изменений, б) истиной в высшей инстанции в оценке потенциальных возможностей той или иной речевой реализации, никогда не задумываются о её корректности (некорректности) с позиций языковой нормы.

Приведём пример. В социальных сетях, где языковая компетентность (точнее, некомпетентность) личности раскрывается наиболее полно, последнее время достаточно отчётливо проявляется тенденция к отдельному написанию наречий, глаголов с неотделяемыми приставками, отрицаний и так далее. В общем, всё, что не вписывается в целостный графический образ в сознании среднестатистического наивного носителя языка, фиксируется им в виде нескольких самостоятельных структур, часто некорректных с позиций орфографии: *не чего* (ничего), *не кто* (никто), *не чем* (ничем), *и так* (итак), *не уж то* (неужто), *ни как* (никак), *что не будь* (что-нибудь), *не когда* (никогда), *от сюда* (отсюда), *на ряду* (наряду), *из начально* (изначально), *не уже ли* (неужели), *по-больше* (побольше), *на пишите* (напишите), *по бароться* (побороться), *за целую* (зацелую) и тому подобных. Следует иметь в виду, что аномальные тенденции в письме это та видимая часть «айсберга», которая несопоставима по своему объёму с удручающим положением дел в звуковом языке. Но незнание родного языка и пренебрежительное отношение к нему – характеристики отнюдь врождённые, а приобретённые. Отношение к языку как к нехитрому бытовому прибору, в той или иной степени, присуще любому языковому коллективу, однако, все дело в ключевом словосочетании «в той или иной степени». Степень во многом определяется национальной лингвоментальностью, регламентирующей отношение социума в целом и языковой личности в частности к национальному языку в рамках градуальной оппозиции, содержание которой можно было бы выразить следующими определениями: трепетное, почтительное, уважительное, безразличное, пренебрежитель-

ное. Иначе говоря, отношение человека (социума) к языку это переменная величина, которая поддаётся корректировке. Но сразу же возникает вопрос: кем, как и когда должна (или может) осуществляться коррекция? Ответ достаточно прост. Любая ортологическая акция, проводимая в рамках языковой политики государственными структурами, по своей сути мало чем отличается от действий врача, направленных на лечение заболевания. Следовательно: а) должен быть поставлен точный диагноз; б) выявлена возможность (невозможность) организма самостоятельно справиться с заболеванием; в) назначено лечение теми или иными средствами. Приведём ещё один пример, свидетельствующий о том, что «выздоровление» пациента возможно только при совместных усилиях врача и больного.

Наиболее действенные меры в отношении «здоровья» языка и его благосостояния достигают цели, когда они исходят сверху и поддерживаются изнутри социума. По свидетельствам эмигрантов первой волны, прибывших в Израиль из СССР в начале 50-х годов, одной из самых сложных задач, стоявших перед ними, было освоение государственного языка их новой Родины. Напомним читателю, что иврит, как разговорный язык, был создан в начале XX века усилиями одного человека – Элиэзера Бен-Йехуды (1858–1922) на основе письменных памятников и представлял собой в значительной мере искусственный коммуникативный код, использовавшийся только в письменной форме и не имевший реальной нормы, правил реализации звукового состава, спонтанно формирующихся в разговорном узусе всех живых языков. Иврит в своём исходном виде структурно и функционально не отличался от санскрита, также имевшего только письменно-литературную сферу реализации. Казалось бы, поставленная государством цель по внедрению иврита в языковое сознание израильтян утопия чистой воды. Однако жёсткая и последовательная языковая политика Израиля достигла поставленной цели. Не последнюю роль в этом процессе сыграла школьная реформа, проведённая без обычных для таких ситуаций обсуждений и бесплодных дискуссий. Иврит стал основным языком, на котором проводилось обучение. В стране появился, пожалуй, самый влиятельный носитель языка – дети. Ибо, пока на языке говорят дети, он жив и функционален, поскольку с его помощью осуществляется коммуникативная связь поколений. Соответственно, язык обречён, он умирает, когда на нем перестают говорить дети. Трепетное отношение населения к государственному языку выразилось в частности в том, что израильские дети школьного возраста вооружались иголками и кололи ими на улице людей, говоривших не на иврите. Вероятно, это один из самых действенных способов языковой цензуры, столь необходимой сейчас России.

Так называемая «свобода слова», если за ней не стоит речевая культура, безусловно, является деструктивным фактором в жизни языка. Свобода слова может привести и приводит к денормализации языка, утрате им функционального многообразия и структурного богатства. Ещё М. В. Ломоносов говорил об опасности распространения «подлого» (низкого) стиля, замещения им других стилей, соответствующих языковой норме. Очевидно, *causa prima* такого положения дел с национальным языком России, помимо исто-

рических причин, связанных с непростым процессом формирования полиэтнического российского социума, заключается в нежелании (или непонимании) того факта, что пренебрежительное отношение к русскому языку равнозначно угрозе государственной безопасности и утрате этнической самобытности титульной нации страны. Подлый стиль, помимо указанных последствий, опасен ещё тем, что вследствие своей структурной и функциональной непритязательности он ведёт своих носителей в когнитивный тупик, интеллектуальную тьму, где всё просто до примитивности. Не надо думать и искать высокие, нормативные языковые структуры и формы потому, что для выражения бытовых и физиологических потребностей достаточно лексическо-синтаксического инвентаря Элочки Щукиной. Не надо подвергать «вкусовой» оценке новые языковые знаки, которые возникают в узусе в тех случаях, когда человеческое мышление не находит в языковой системе соответствующих коррелятов и это является основой внутреннего механизма развития языка. И, наконец, сам язык, будучи востребованным на малую часть своих возможностей, теряет свой жизненный потенциал, начинает дряхлеть. В конце концов, он утрачивает свою основную функцию. Язык перестаёт быть поводом в социальной действительности. Его движение вперёд становится не нужным. Но есть движение вспять и вниз, которое не требует усилий. Вполне достаточно того, что в этом направлении идут носители языка, за которыми он должен следовать.

Сущностная и социальная парадоксальность языка состоит в том, что он сочетает в себе взаимоисключающие качества филантропа и мизантропа. Язык не может существовать без людей, но это бездушный организм. Язык, обслуживая все сферы деятельности общества, совершенно индифферентен к социуму, его судьбе и проблемам. Однако мизантропия языка – это его временное состояние, реакция на беспечное отношение к нему, стагнация, которая, как правило, не ведёт язык к самоуничтожению, но регистрирует уровень опасного спада жизнедеятельности языка, смену вектора его движения. Немецкий философ точно охарактеризовал суть этой метаморфозы: «Он слишком счастлив был с самим собой. Он – слишком свет, чтоб не пойти за тьмой» [Ницше, 2007, с. 25]. Когда должен последовать подъём, развитие, движение языка вперёд – вопрос из проблематики, которой занимается языковое прогнозирование. Я не отношу себя к специалистам, способным предсказать судьбу и состояние столь противоречивого организма, как язык. Более того, считаю, что какие-либо прогнозы здесь вообще неуместны. Поэтому, завершая статью, ограничусь известным пассажем из творчества М. М. Жванецкого, являющимся логическим продолжением приведённой выше цитаты. В тяжёлые для России времена конца XX века журналисты спросили Жванецкого, виден ли свет в конце туннеля? Сатирик ответил: «Свет то виден, да туннель никак не кончается»!

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств [Текст] / В. М. Алпатов // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – С. 192–209.

2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист / пер. с фр. – 4-е изд. – М., 2010. – 448 с.
3. Кондрашкина, Е. А. Индонезия. Языковая ситуация и языковая политика [Текст] / Е. А. Кондрашкина. – М. : Наука, 1986. – 156 с.
4. Крысин, Л. П. О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве контактирующих языков [Текст] / Л. П. Крысин // Речевой общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – С. 156–161.
5. Ницше, Ф. Веселая наука [Текст] / Ф. Ницше / пер. с нем. М. Кореневой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.

References

1. Alpatov, V. M. (2000). Zarubezhnaja sociolingvistika o problemah dvujazychija i jazykov nacional'nyh men'shinstv [Foreign sociolinguistics discussing the issues of bilingualism and languages of national minorities]. *Rechevoe obshhenie v uslovijah jazykovej neodnorodnosti* [Speech communication in the situation of language heterogeneity]. Moscow, 192–209.
2. Benvenist, Je. (2010). *Obshhaja lingvistika* [General linguistics] / translated from French. 4th ed. Moscow.
3. Kondrashkina, E. A. (1986). *Indonezija. Jazykovaja situacija i jazykovaja politika* [Indonesia. Linguistic situation and language policy]. Moscow : Nauka.
4. Krysin, L. P. (2000). O nekotoryh osobennostjah dvujazychija pri blizkom rodstve kontaktirujushhih jazykov [Some peculiarities of bilingualism of closely-related contacting languages]. *Rechevoj obshhenie v uslovijah jazykovej neodnorodnosti* [Speech communication in the situation of language heterogeneity]. Moscow, 156–161.
5. Nicshe, F. (2007). *Veselaja nauka* [The merry science] / translated from German by M. Korenevaja, S. Stepanov, V. Toporov. St. Petersburg : Izdatel'skij Dom «Azbuka-klassika».